

«ПОЭТ ВСЕХ БЛИЖЕ К БОГУ...» (об Александре Романове)

О ПОЭЗИИ

1.

Для Александра Романова поэзия всегда оставалась недоступной и волнительной тайной. И когда чувства, доходя до кипения, обжигали его сердце, а думы погружали его на глубину открывшейся бездны, он чувствовал, как помимо его воли раскалённая энергия чувств и дум вдруг воплощалась в слова, и в нём, как в плавильном котле, происходило священнодействие поэтического творения. Не знаю, но думаю, что именно в эти минуты божественного озарения он и был по-настоящему высок, дерзновенен и счастлив. Он чувствовал во всём присутствие Бога, и от близкого общения с ним ему становилось одновременно и светло, и страшно, а от пугающих откровений и обретаемых истин у него перехватывало дыхание.

Тогда он, всякий раз переживая заново это необычное состояние и удивляясь самому себе, признательно восклицал:

«Какое счастье, что я – всё-таки поэт! Тяжело бывает, но слово, омытое слезами, вспыхивает в строке...»

Не он один восхищался красотой родного края: на утренней ли зорьке, когда слоистый туман зависает над парной Двиницей и, выходя из берегов, клубами дыма расплзается по поймённым лугам; в полдненный ли зной, когда с высокого неба, выгоревшего на солнце, несмолкаемо льётся и звенит песня жаворонка; на зорьке ли вечерней, когда закат полощется в окнах деревенских изб и над стеклянной гладью прудов висят слюдяные стрекозы, а в Петряево входит утомлённое жарой стадо и мирно расходится по сытным и духовитым дворам. Да мало ли вокруг нас неопикуемых красот! И каждый не огрубевший душой человек ими по-своему любовался и, с благоговеньем замирая перед дольным миром, благодарил Бога за бесценный дар жизни на земле.

А вот выразить в слове свои переживания мог в Петряеве только он – Александр Романов. И всё, что у соседа вскипало на сердце, у него волшебным образом облекалось в слово, да так искусно, так зримо, что и сосед, читая поэтические строки, не мог не поразиться и точности найденных слов, и верности запечатлённых картин, и красоте рождённых образов.

Так что же это за чудо такое – поэзия, что это за сказочная Жар-птица с горящим оперением. Он пытался приоткрыть её завораживающую тайну, постичь невыразимую в слове суть, а суть поэзии, по его признанию, «в противоречивом стремлении удержать красоту пролетающего мига, вторично уже недостижимого никогда», и познать истоки её пленительной власти над человеком. Мало кто из моих коллег-поэтов с таким постоянством и упорством за птицей Божьей охотился. Мало кому удавалось заполучить хотя бы пёрышко из её огненного хвоста.

Мы привычно говорим о Романове как о поэте и чаще берём в руки его поэтические сборники, а я хочу перелистать вместе с вами, уважаемые читатели, книги его документально-художественной прозы и публицистики:

«Вёрсты раздумий. О родине. О жизни. О поэзии». – СЗКИ, 1983,
 «Научиться бы жить. Рассказы. Записи. Раздумья». – СЗКИ, 1987,
 Александр Романов. «Искры памяти». – СЗКИ, 1995.

В своих страстных статьях и заметках, раздумчивых очерках, этюдах и эссе Александр Романов оставил нам столько неповторимых свидетельств о своих мучительных поисках, неожиданных прозрениях и поразительных открытиях, когда он размышлял о сущности поэзии, о её глубинных проявлениях, о тайне её пребывания в нас, в природе и человеческой жизни.

Для Александра Романова поэзия – «это свободный порыв к истинам, ещё не познанным, и к красоте, ещё не виданной». Поэзия – это и великое служение, но не самому себе, а через себя – Родине и народу. Потому он так трепетно относился к своему дару. Он не разменивал его на формотворчество и на пустозвонство. Каждую строку поэт наделял пользой и добром, светом и любовью. Он всегда помнил, что слово может разрушать и развращать, опустошать и калечить, сбивать с пути и разъединять людей – «в Слове сила, а под Словом – могила», «Слово, что уголёк. Раздувай да страшись: не спалишь ли жизнь?».

Иначе бы он не написал, что «первый знак утраты своего национального будущего – это исчезновение из народной жизни поэзии и искусства как её светоносности и радости».

Служение поэзии – путь избранных и далеко не каждый, наделённый от природы талантом, становится подлинным поэтом. Служение это беззаветно, мучительно, жертвенно:

«Свет её вечен, а век поэтов скоротечен.
Свет её благоден, а путь к ней тягостен.
Свет её долог, а путь к нему горек.
Свет заманчив, да часто обманчив.
Поэзию тронь – спалит огонь...»

История русской поэзии – это история трагических судеб: от Пушкина до Рубцова. Не говорю о поэтах безвестных, о тех, кто, испытав «высочайшие взлеты выстраданной мысли», не был услышан современниками, чья взрывная исповедальность судьбы была «подобна молнии, энергия которой ушла в века». Не говорю о тех, кто сгорел на её костре, живя в российской глубинке, кто по нашей глухой слепоте и чёрствому бездушию безвозвратно предан забвению.

Александр Романов почувствовал на себе, что поэзия – это «нервный узел своего времени, а гулы минувшего лишь усиливают её сегодняшние откровения и обостряют предчувствия будущих». Для него современность в поэзии – «не столько внешние реалии жизни, сколько драматизм человеческих взаимоотношений в потоке времени. В прошлом – очарование, в настоящем – страдание, в будущем – искупление».

Нужно было глубоко прочувствовать, много передумать, промучиться не одну бессонную ночь, чтобы однажды так прозорливо и точно приблизиться к сути поэзии: «Что такое «вещество поэзии»? Это свет откровений из глубины души или из разломов народной судьбы. Это словесное пламя самих времён...»

Он признавался своим друзьям и читателям:

«Да и объяснима ли сама по себе Поэзия? Доступны ли ее тайны холодным умам? Об этих загадках я думаю всю жизнь и поражаюсь необъяснимому разнообразию поэтических воплощений в мире. Поэзия есть Нечто вселенское, похожее на сияние великого тепла, проступающего сквозь слова, стоящие в определенном, но таинственном сопряжении друг с другом...»

Каково сказано!

Для него самого поэзия – «это скитальчество по родной земле, которая «таит в себе ещё никем не выговоренную боль, радость и мудрость человеческой жизни, это оживающая в слове Природа, а в ней – сияние божественной красоты и силы, явленной миру через поэта...»

Он чувствовал природу, как никто другой, проникая сердцем и взором в самые потаённые и заповедные её уголки. Из неё являлись к нему и поэтические образы, которые для него не были художественной выдумкой. Он обнаруживал в поэзии «своеобразную энергетическую субстанцию, пребывающую в самой природе». Явление, безусловно, таинственное, но как поэт истинный и тонкий Александр Романов пытался приблизиться к разгадке: «Как возникает, откуда берется первый толчок – сказать трудно, лишь чувствуешь блуждающий пучок энергии, стремящийся самовоплотиться в слово, в строку, в строфу...»

Поэт – человек Божий и потому «Бог вразумляет поэтов для того, чтобы они в своих строках сберегали свет, зажжённый Им, – свет мудрости и нравственного подвига!» Не потому ли и вся поэзия Александра Романова так высока в своём духовном порыве и нравственной чистоте: «Образ души, состояние души, её вселенская отзывчивость – вот в чём светоносность Поэзии». Таково мнение поэта.

Поэзия – это удел страдающего сердца: «Может, потому и много в России поэзии, что горя в ней, терпеливой, много? Но разве в этом наша судьба?..» Для него поэзия – «это вечность в миге, это будничность жизни, повёрнутая к нам своей сокровенной поэзией».

И не только: «Поэзия – это мгновенные прозрения истин, которые, кажется, недоступны для осмысляющего ума. Это редкие соприкосновения одной души с потайными вздохами всего человечества. Это попытки уловить словом проблески Божественного в сиюминутном...»

Как верно, согласитесь, и ёмко сказано. Такие откровения даются человеку с добрым сердцем, взыскающим умом и душой светоносной.

Александр Романов пробовал себя и в прозе. Через прозу он хотел глубже понять и поэзию:

«Поэзия – одна из таинственных форм проявления самой жизни, а проза – одна из сложных форм отражения этой жизни.

Поэтический ритм – возгоратель жизни, прозаический ритм – светоулавливатель жизни.

Поэзия – от Божьей воли, а проза – от человеческой.

В поэзии – наитие, а в прозе – осмысление.

В поэзии – свет, а в прозе – ответ.

Поэзия – сокровение, а проза – откровение...

Таковы мои наблюдения...»

Как же много в его наблюдениях истинного и мудрого. Остаётся удивляться его прозорливому проникновению вглубь таинственного «вещества» под названием Поэзия...

2.

Для Александра Романова поэзия была разлита и растворена в окружающем нас мире. Он чувствовал, точнее «чуял», как её живые токи, незримо идущие из глубин земли и неба, сталкивались в его сердце и высекали искры поэтических разрядов. Они обжигали его внутренним огнём, возвышали над будничной суетой, возбуждали в нём тревожное нетерпение творческого зуда и настраивали пленённую светом душу на животворящую волну. Вот как об этом писал он сам:

«Вся окружающая жизнь и природа наполнены невидимыми, никем незнаемыми стихами, как дыханием всего сущего. Их надо добывать. Добывание – это душевное горение. Сначала в душе вспыхивают искры, а потом из вихря искр постепенно обозначается и сам провод строки. Сколько же стихов уже существовало, бродило, металось, стучалось почти готовыми в человеческие сердца, но поэты не удосужились их добыть, и они остались навсегда неизвестными миру...»

Сколько же новых стихов извлёк из «природы» наш земляк, а сколько ещё в ней их остаётся.

Александр Александрович, замороженный словом и как поэт, призванный служить ему, жил и трудился в состоянии постоянного «душевного горения». Он чутко и верно улавливал строки, стучавшие в его сердце, сопрягал их друг с другом и так «добывал» уже созревшее в природе стихотворение, а через него открывал нам смыслы, ещё вчера никому неведомые и до поры до времени скрытые.

Для кого как, а для меня каждое поэтическое откровение – это явление чуда!

Он был счастлив, когда творил: «Я каждым нервом слышу движение корней...»

Это вдохновенное состояние настигало его в дороге и у реки, в поле и на лесной делянке, в пойменном лугу и у порога родимой избы. Оно даётся не каждому и не сразу, оно – как Божье вознаграждение, и нисходит благостно только на того поэта, чья душа живёт в постоянном труде, в ком пребывает дух, жаждущий правды, кто верен своему призванию, кто честно и совестливо служит Слову.

И только он, подлинный поэт, знает, только ему ведомо, как перед ним укрошенные слова обнажают скрытую в них первородную суть, как они теснятся и наталкиваются друг на друга в напряжённой строке, ища свою единственную пару и место, предназначенное им:

«Стихи возникают неожиданно, порой внезапно, как налетевший дух свежей березы, как сверкнувшая на ячменях солнечная роса,

как прозвучавший на соседнем крыльце весёлый голос молодой хозяйки... Оказывается, везде и во всём – стихи, только чувствуй их и отзывайся...»

Он их чувствовал. Он на них отзывался. Потому и появлялись на свет такие вот пронзительные строки:

«Кругом вода сильна, нетороплива,
Заката краски сдержанно-пестры.
То тут, то там раскидистые ивы
Горят в лучах, как жёлтые костры.
За ними, как туманные полосы,
Стоят в воде ольховые кусты,
И моются застенчиво берёзки,
Хотя безукоризненно чисты...»

Александр Романов чувствовал «спелость» слова, в котором таится «огненная сила». Он умел не только «высветить слово», но и «гул работы разбудить в словах», услышать в них «державные связи и грядущего нашего мощь».

«В этом слове для жизни всё есть:
Умудрено светит отрада,
Обнажено тоскует совесть,
Неподкупно пылает правда.
И в стихах его корневые
Рифмы катятся без запинки,
Словно ягоды наливные –
Наши клюквинки и рябинки...» («Яшин»).

Будучи сыном земли, человеком трудолюбивым и рачительным, поэт с детства познал, как «из века в век золотом наливалось на севере русское слово». Он с благодарностью вспоминал своего учителя, специалиста по языкознанию, Бориса Николаевича Головина:

«Он научил тщательно работать над выразительностью и точностью слова, над светоносностью поэтической строки, ибо в ней должна гнеститься своя тайна очарования».

Потому он и «слово любил, смыслом плодovitое, и дело, радостью отзывное...»

«Мы порознь, а ищем одно –
Мы ищем надёжное слово.

Чтоб было оно, как зерно.
Ведь столько набито половы?...»

Он чуток был и к слову поэтов-земляков. Почти о каждом из них Александр Романов оставил своё слово. Опираясь на творчество поэтов, близких ему по мироощущению, он размышлял:

«Поэзия – это образ души человека, души зоркой, тревожной, наивно-мудрой, наполненной постоянным светом Родины. Только так возникает истинность поэзии, то есть своё понимание глубины человеческого и народного бытия в грозном мире».

«О, как Поэзия сильна!
Лишь безраздельно ей доверься,
В нужде, в беде она одна
Спасает исповедью сердце» (из поэмы «Дом Батюшкова»).

В своё время Александр Романов, проводив в мир иной дорогих ему друзей-поэтов, писал:

«Настоящие стихи обладают двойным свечением: одним – при жизни поэта, другим – после него...» (о Сергее Орлове).

«Стихи рождались вместе с травами, цветами, листопадом, дождями, снегами – с той же самой естественностью, как и явления природы, оттого их теперь и время не пошатнет, а только жарче год от года будет опламენять своим дуновением, выявляя скрытый в них огонь чувств и мысли» (об Александре Яшине).

Это всё, на мой взгляд, можно сказать теперь и о стихах самого Романова. Теперь и мы, простившись с мудрым учителем-наставником, можем и к нему самому отнести слова, адресованные друзьям:

«Стихи ушедшего от нас поэта сразу озаряются светом времени, точно и зримо выявляя заключённую в них меру пережитого, меру душевной правды...»

А у него, русского поэта, эта «мера» была воистину велика. Для Александра Романова стихи – «золотые секунды жизни». Они подобны «сверхпрочным сосудам», в которых «отстаивается время». А душа поэта, обретшая Царство Небесное, хранит в себе как «глубину пережитого, так и высоту непрожитого».

«Любовь, беду, тревогу
Переплавляя в стих,
Поэт всех ближе к Богу
В страданиях своих...»

О РОДИНЕ

Для Александра Романова Родина – неиссякаемый источник вдохновения. Родиной он был и счастлив. Это она «увеличивает пространство и силу слова, исполненного любви к ней, и ничто так не молодит сердце, как воздух родины». Для поэта и подлинная красота человеческой души тоже бывает одухотворена только «светом родной земли, зреет лишь в окружении нравственного и трудового уклада жизни». Как мудро, согласитесь, и как тонко подмечено!

«Земля отцов и дедов, та земля,
Где кустики ольховые в межполье,
Дала мне всё, ничем не обделя:
Ни радостью, ни гордостью, ни болью...
Без этих ольх, что скромно так цвели,
Без этих глин, что в детстве мы месили,
И без любви к углу такой земли
Откуда взяться и любви к России?..»

Я не раз бывал в Петряево ещё при жизни поэта. Деревня как деревня, похожая на моё Попово, ныне уже исчезнувшую с лица земли деревушку.

Какой же сладкой и мучительной болью отзывалась в нём каждая встреча с родиной! Сколько рождала живых воспоминаний – светлых и печальных. Какую необозримую в веках жизнь вобрала в себя эта древняя земля, политая потом и кровью, что и сегодня мы, ныне живущие, испытываем чувство духовного родства с теми людьми, которые её до нас обживали и обустроивали.

«Как торопливы, как слабы шажки!
Сбавляю шаг, и мне ничуть не тяжко.
– Вот Утичье, – вздохнёт, – вот Подстожки,
А это, боже мой, да ведь Корчажка!
Ой, заросла. А как была чиста! –
И вновь стоит среди скошенных угодий...
Что для меня – грибные лишь места,
Для матери – судьба, труды и годы...»

Поэт осознавал, какую несёт ответственность перед людьми и, прежде всего, перед земляками:

«Пишу я эти строки и чувствую: нет, не вмещается в них вся мера пережитого – настолько она велика! И деревенские люди тех

лет, встающие в памяти, смотрят на меня, теперешнего, строго и взыскательно. Будто говорят они: «Ищи слово, равное своей судьбе. Только таким словом сможешь рассказать и о нас...»

Ему было всего двенадцать лет, когда он «босыми ступнями ознобно почувствовал глубину борозды, а жарким лицом – ветер настоящей жизни и ощутил в себе крестьянскую силу, которой от века были крепки его родичи – русские землепашцы...»

Связь, «жгучая и смертная», что незримо соединяет человека с местом его рождения, так же таинственна, как и поэзия. В ней столько непостижимо мистического смысла, что иной раз кажется, будто связь эта освещена нездешним светом, и стоит оборваться ей или хотя бы чуть ослабнуть, как человек теряет вкус к жизни, его оставляют силы и земля уходит из-под ног.

Потому он и держался за родимую сторонку, потому так вдохновенно воспевал её и так горько за неё переживал. Он и перемены, происходящие в жизни мира, страны и русской деревни, поверял её вековыми ценностями. Однажды меня поразили его слова: «Русь уходит в нас», – давшие название книге его избранных стихов. Точнее, кажется, не скажешь. В этой поэтической «формуле», краткой и простой до гениальности, будто открывается перед нами вся трагическая правда уходящего времени и тревожная непредсказуемость будущего русского Космоса. Более того – в ней обнажается драматизм крестьянской судьбы и сельского мира. А ведь и верно:

«Может, Россия и существует только в неистовой нашей любви к ней? – задаётся он раскалённым в думах вопросом. – Может, наша верность и любовь ко всему родному и есть сама Русь, Россия? Ведь нельзя же не признать, если взглянуть строго, что той Руси, которая существовала исторически, ныне уже, как ни желей и как ни жалей, нету... А, может, она всё же есть и ныне такая, какой была, только нами пока не увиденная: устали наши глаза, оглохли наши уши, очерствели сердца. Потому и не зрим её...»

«Жизнь извелась на родине моей.

Одни надежды остаются стары.

Берёзы у заброшенных полей

Кипят, как золотые самовары.

А в смертный час, наверно, оглянусь –

У дней минувших человечьи лица.

Глаза, глаза... И в них страдает Русь.

Нам надо жить! Нам некого страшиться!..»

Да, она есть, святая Русь. Она существует в наших воспалённых умах и сердцах как незримое воплощение нашей неугасимой веры. Они есть, святые подвижники и защитники, которые творят неустанные молитвы и пока ещё спасают ими от гибели обескровленный народ и многострадальную страну, в недрах которой вызревает новое православное братство, связанное тысячелетним духовным родством и способное принять вызовы времени и судьбы.

Думы о России не оставляют поэта:

«Родина наша в минувшие века была такой, какими были наши предки. Ныне она такая, какие сегодня мы сами. Завтра станет такой, какими будут наши потомки. В повседневности своей об этом мы, к сожалению, мало размышляем, а то и вовсе не думаем. Лишь в часы особых душевных волнений вдруг вспоминаем, кто мы и откуда...»

Поэзия Александра Романова, как и его коллег-единомышленников по литературному цеху, как раз и будит в человеке именно такие очистительные «воспоминания о себе».

У Романова есть своя мера, которой он объёмлет историческое пространство России: «сколько деревень вширь земли – столько родов вглубь времён».

У Петряева своя корневая система, некогда мощная и плодотворящая, а ныне истощенная и уже не дающая всходов. Уходит род за родом, а с ними уходит и Русь, стирается и память о прошедших через неё крестьянских поколениях.

Дом стоит, а в нём давно пахнет нежилой стыlostью, да и облик его тоже приобретает сиротский вид. Но пока жив человек, пока он несёт в себе память о родовой избе, дом ожиданием встречи с ним скрашивает своё одиночество, не чувствуя ещё своей губельной оставленности.

«Привязанность к родине – что это? – размышляет поэт. – Твоя точка опоры на метельной земле?.. Привязанность к родине – это выстраданная радость жизни в домашней стороне. А домашняя сторона, где она? Четыре стороны света, а которая для тебя домашняя? Много русских людей, увы, уже не помнят, то есть не знают, которая из четырех сторон света для них родная, домашняя. Да, счастлив тот, кто не потерял своей исконной родины. В ней и придорожная берёзка веет здоровьем и радостью...»

«Мне ж чего покупать, если родиной,
 Стариной её, новизной
 Существо моё переполнено,
 Будто небо голубизной.

Всё волнует: и травы шумные,
Свет реки и тень камыша.
Здесь опять невольно подумаю:
Что ж такое это – душа?..»

Только он, русский поэт, знает, как звонкая деревенская тропка через разбитый просёлок выводила его на древний тракт Архангельск – Вологда – Москва. Тропа – просёлок – дорога. Обретение же Пути – дело мучительное и долгое и не каждому оно, опять же, под силу, не у каждого хватит смелости на него встать, зная, что Путь, предназначенный ему по судьбе, – это ещё и Крест, с которым человеку предстоит взойти на свою Голгофу.

«В понятии «судьба», по словам поэта, не только жизненная предопределенность, предначертанность, предназначенность, но, не в меньшей степени, и неизвестность предстоящих поворотов твоего пути. Лишь поверхностный человек может облегченно вздохнуть: раз судьба, значит, дело само пойдёт».

Взваливая Крест на свои плечи, Александр Романов опирался на духовный опыт предков, а опыт их – это «золотая цепочка неразрывно следующих друг за другом таких высоко нравственных понятий, как семья – труд – обычай – природа – мир». В этом, по мнению Романова, и заключена «гармония любви и жизни человека! Нарушь хоть одно звено в этой цепочке – и человек несчастлив». Поэт, обретая свой Путь, никогда не забывал и отцовские наказания с материнским благословением.

Обретение Пути – ещё одна тайна человеческой жизни, а чувство его – «крылья таланта». Столь же таинственен Путь и самой России.

«Слов певучих тихая отрада,
Ширь без края, белый всплеск берез...
Всё, что в жизни человеку надо,
Воедино только здесь слилось.
Родина – одно на свете чудо.
Было так всегда и будет впредь.
Лишь она и светит, и врачует,
Чтоб до смерти сердцем не скудеть...»

О РУССКИХ

«Главный же русский путь – это путь к себе, в себя, в свое прошлое и будущее одновременно. Через марксистское заложничество, через

идолопоклонство, через иные заблуждения – к собиранию не только исторических камней, но и всех наших разъятых безвременьем родственных связей. К собиранию самих себя, своей национальной сущности! Ведь мы, очертя голову, кинулись во всесветный интернационализм и вовсе забыли о Родине...»

Александр Романов и у себя на родине видел и знал людей, которые забыли, откуда они и кто. «Мы, русские, сильно покачнули и растрясали по разным сторонам своё национальное достоинство. А многие из нас – горько признаться – уже и утратили его. Оказались как бы бескорневыми, безродными».

Он внимательно и пристрастно глядывался в современного ему человека и не без боли отмечал:

«Сколько же теперь накопилось в наших людях злобы, мстительности, всякой гадости и подлости! Тешат лишь плоть свою, будто бы уже и нету в них ни разума, ни души, ни загляда вперед, в своё будущее. Уж так поднаторели в хитрости да изворотливости, что выгородят себя изо всякого житейского переплёта, а человека безвинного таким злым наговором оплетут, что он в дураках и окажется, коли с такими свяжется. Горько и стыдно с этой стороны глядеть теперь на свою Родину...»

Сам же он, по его признанию, вовремя «спохватился и понял, что бедствующей деревенской родине не нужны наши хвастливые гостевания. Гости – праздные люди, а работниками могут стать лишь наследники».

Вспоминая вот эти поэтические строки Василия Жуковского:

«О, родина святая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя!..

Александр Романов писал: «Пронизывают меня эти строки, и я чувствую, постигаю всем своим существом, как трудно, но как всё-таки хорошо жить на свете. Так что же иногда я озираюсь печально по сторонам, устаю от мучительных дум, не сплю ночами, тоскую до боли, до ножевых ударов под сердце? Да я тоже, как и мои земляки, всё тороплюсь, всё нетерпеливее хочу, как можно быстрее, даже немедленно устроить жизнь человеческую благополучно и справедливо...»

«Вот с холма смотрю я на поля российские,
Где туман свивает солнцу красну бороду, –

В них суровым плугом ты всю жизнь выискивал
В тьме борозд несметных золотую борозду...»

И мне понятно это искреннее его желание любви и лада, добра и покоя. Александр Романов был из тех крепких русичей (даже по своему светлому облику), кто берёт в себе русский дух, являя через себя лучшие черты национального характера.

Поэт старался жить, творить и любить «по-русски», так, как жили его трудолюбивые предки, открытые людям и миру, благородные в своих мыслях и душевных порывах, дорожившие честью рода и приумножавшие его славу. Он вспоминает Лермонтова и Пушкина и задумывается над их поэтическими посланиями потомкам:

«А мы, сегодняшние люди, любим ли мы свою Россию? Каждый ли из нас, не колеблясь, сможет повторить вслед за великим поэтом «Люблю Отчизну я»? Сможет ли сказать это не принародно, не бия в грудь, а самому себе тихо и по всей правде? Вот то-то и оно...

Призыв «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!» гложет в оскудевших сердцах. И терзает мысль: да народ ли мы в той богатырской цельности и силе, какую воспел и явил в себе сам Пушкин? Да потомки ли мы своих бесстрашных и работающих прадедов? Да кто же мы теперь? Неужели развеяли в бурях имя свое великорусское?..»

«И возле них, теперь уж тусклых,
На камне травянится грусть.
Я, вспоминаю здесь, что русский,
И тем, что русский, я горжусь!..»
«Мне хочется землю ворочать,
Парную и тяжкую, власть
И в борозду позднею ночью
От устали навзничь упасть...»

Александр Романов хотел, чтобы чужие люди, глядя на него и слушая его, могли бы сказать: вот он – человек «русского житья»! Поэт, обращаясь к нам, современникам, спрашивал: «О многих ли теперь можно так сказать? И что такое в конце двадцатого века русское житье?.. Теперь, оказывается, и на родине не стыдятся никого и ничего: ни родителей, ни соседей, ни земляков, ни своих безобразий. Плюют ныне и на извечную щепетильность в деревенских взаимоотношениях. Вот до чего мы докатились...»

И верно, стоит оглянуться вокруг, чтобы увидеть и понять, как мы

сегодня скудно и безрадостно живём, сторонясь настоящего дела и не имея в сердце дерзновенной смелости на путешествия «встречь солнцу». Мы, забывая о гордости, так и остаёмся людьми, живущими с оглядкой на идеи и моды Запада. Мы и сегодня, утрачивая свою самобытность, бездумно и слепо перенимаем всё, что нам чуждо по природе. Не об этом ли самом размышляет и поэт, застав у фресок Дионисия:

«А мы-то, нынешние, до того испоганились, измельчали, предали своё великое прошлое, что ни о каком духовном самоусовершенствовании и думать не желаем. Лишь по рабской привычке опять надеемся, что жизнь на Руси наладится кем-то и без нашего «умного и сердечного делания».

Да не наладится она, лишённая любви и лада жизнь, и по-щучьему велению к лучшему не изменится и уж счастливее точно не станет, если в ней у нас только одна губительная страсть – потреблять и наслаждаться.

Поэт каждый факт современной ему жизни пытается подвергнуть пристрастному и часто беспощадному анализу, рассмотреть за его внешней безобидностью тревожные явления духовной деградации вступающих в жизнь поколений. Вот он смотрит на новобрачных, возлагающих цветы у памятника вождю мировой революции, и с неизбежной горечью думает:

«И стыдно смотреть, как новобрачные пары – счастливые и наивные – в самом первом совместном порыве несли цветы к этим холодным подножиям. За что и ради чего? Будто и не было в России ни тысячелетнего христианства, ни теплой красоты народных обычаев и обрядов, ни свадебных радостей в свечах, в пении, в золотых венцах и ризах!...»

«Взгляну я на дали,
Взгляну я на выси
И выдохну тайно:
«Пряди, не ленися».
И с радостным сердцем,
Устав от разлуки,
Уткнусь в полотенце,
Как в мамины руки...»

Может, поэт и сам бывает порой наивен и простодушен в своих размышлениях на темы настоящего, прошлого и будущего, но в одном ему не откажешь – в них он искренен и полон желания помочь

человеку прозреть и в цепи бесчисленных поколений увидеть себя в истинном свете. Он хотел, чтобы в каждом русском юноше «жили неотделимо два устремления – заглянуть в далекое прошлое и в близкое будущее родного народа, чтобы яснее выznать свой личный путь и осознать собственное достоинство».

Он любил свой народ, гордился его ратными и духовными подвигами и одновременно жалел его: «Боже, более простодушного и неоглядчивого народа, как русский народ, нету на белом свете! И что же это такое – знак величия или знак жертвы?.. Тайна сия, ох, горька, прежде всего, для нас самих...»

И это была ещё одна веками неразгаданная тайна – русский народ.

Он и сам, подлинно национальный поэт, тоже при всей распахнутости был непостижимо глубок и в жизни земной, и в стихах. Он чувствовал его, «таинственный ток, исходящий из отеческой земли и веющий в нас печалью верности своему далёкому родству». И в этом, без сомнений, было его исцеляющее душу счастье.

«О, дом, давно забытый,
Ты что в судьбе людей?
Ты боль каких событий,
Ты тень каких же дней?..»

Он был счастлив и тем, что умел «чувствовать поэзию жизни», и тем, что своё поэтическое слово смог поставить на службу родной земле, а значит – и России. Для него и талант, как дар Божий, – это «дума о великой тайне жизни и смерти, о сущности человека и соответствии его дел нравственному закону бытия». А истинный талант – это «зоркие глаза своего народа».

Ему было радостно оттого, что он всегда находился в состоянии бесконечного «узнавания Родины», поскольку она постоянно пребывает в изменении и движении, как во времени, так и в пространстве. Он так и писал: «Нет на свете ничего более необходимого, насущного для человека, для души его, чем такое постоянное узнавание своей Родины, а значит, и самого себя...»

Поэт мыслил державно. Для него понятие «малой родины», ограниченное только местом рождения и взросления, было неприемлемо и не отвечало его видению российских пространств. Оно как бы «подрезало крылья души, укорачивало мысли, дробило на мелкие осколки великое зеркало России». Сам поэт, посмотрев Россию с севера и юга, с запада и востока, познав её в дорожных раздумьях и

тоске, понял, что и душа русского человека тоже безмерна и под стать её огромности и величию.

«Красу умели отыскать
И топором, и взглядом,
Чтоб ширь и высь – душе под стать –
И ключ недремный рядом...»

Он не стал столичным жителем, как его литературные учителя-земляки (А.Яшин, С.Орлов), но, живя и творя в провинции, он всей творческой жизнью «доказал, что не обязательно рваться в столицу в поисках своего попроща, что и дома можно многого достичь. Лишь бы кипело сердце, да глаза видели всю Россию».

Александр Романов, как и его друзья-поэты Н.Рубцов, В.Коротаев, Б.Чулков, С.Чухин, до последнего часа жизни в своих книгах как бы собирал и накапливал «быстро идущее время – не только «личное», «своё», но и многих других людей – своих современников».

И как у каждого истинного поэта, имя его тоже «с годами становится живым отсветом времени, уже нестареющего никогда...» Слова, написанные им о поэзии Николая Рубцова, с полным правом можно теперь отнести и к нему самому: «Звуки, томившиеся в нём, совпадали с отзвуками радостей и утрат, и складывались слова, великие в своей простоте...»

«Как хорошо родиться на земле.
И жить на ней. И верным быть родному
Обычаю, порядку и огню!
Лежишь и улыбаешься сквозь дрему
Хозяйке, утру, будущему дню...»